

А Л Е К С А Н Д Р
ШУВАЛОВ



БОЕВЫЕ ПСЫ ИМПЕРИИ

ПРИТВОРЩИК

Александр Шувалов

Притворщик

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9312047
авторское;*

Аннотация

«...Окурок еще летел к земле, как человек плавно, но очень быстро ушел вправо нырком, согнувшись. Именно поэтому первая выпущенная в него пуля не угодила ему между лопаток, а только слегка оцарапала правое плечо. И тут же сам открыл ответный огонь с левой, из-под руки, не останавливаясь. Нечто подобное можно увидеть в крутом кино, если бы только артистам показали как это правильно делается.

Попал. Стоящий на колене на крыше гаража стрелок выронил оружие и полетел вниз. Человек, которого где надо называли Благородным Доном, попытался уйти кувырком вправо, но не успел. В дело вступил второй стрелок, явно лучший, чем первый, а, самое главное, выбравший правильную позицию...»

Содержание

Пролог	4
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	21
Глава 5	32
Глава 6	35
Глава 7	37
Глава 8	38
День первый	38
Глава 9	45
Глава 10	48
Глава 11	52
Глава 12	61
Глава 13	68
Часть вторая	74
Глава 14	74
День второй	74
Глава 15	80
Норвегия, Осло, 9 ноября 1990 года, если не ошибаюсь. Вечер	80
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Александр Шувалов

«Притворщик»

Пролог

Дорогуший джип «Вольво» затормозил у ворот автостоянки. Ворота медленно открылись, машина въехала во внутрь и остановилась на своем привычном месте напротив будки охраны между новеньким, сверкающим лаком «Мерседесом» и «Порше Кайена». Водитель вылез из машины и направился к будке.

– Добрый вечер, мужики, – достал из пачки сигарету и похлопал по карманам, ища зажигалку.

– Здравия желаю, – степенно отозвался делающий записи в журнале охранник, средних лет лысоватый крепыш, по всему видно, не так давно расставшийся с погонами.

– Здравствуйте, – поприветствовал вошедшего его напарник, молоденький, щупловатый парнишка в очках, – сигареткой, извиняюсь, не богаты?

– Богат, – вошедший прикурил от зажигалки и бросил на стол охраны почти полную красно-белую пачку «Лаки Страйк». – Держите.

– А вы как?

– У меня дома еще есть.

– Спасибо.

– Не за что. Счастливого дежурства, благородные доны, до завтра.

– До свидания.

Мужчина вышел со стоянки и направился к светящемуся огнями дому по дорожке между двумя рядами гаражей.

– Тачка у мужика классная, – заявил, раскуривая халявную сигарету младший из охранников. Он запоем читал автомобильные журналы и потому считал себя экспертом.

– Хороший человек, – бросил старший.

– Вот и я говорю, простой мужик. Пальцы не гнет, не бьется. На курево никогда не жлобится.

– Точно.

– А почему он зовет нас благородными донами?

– А я знаю?

Человек, названный простым, на деле таковым вовсе не являлся. Скажу больше, если бы хотя бы малая часть его биографии вдруг приснилась в кошмарном сне хоть тому же автомобилисту-заочнику, он бы гарантированно обоссался, даже не приходя в сознание. Когда-то он служил в одной очень серьезной организации, само название которой вызывало у потенциального противника мысли о брэнности земного существования. Его оперативный псевдоним был Алхимик, хотя все называли его Благородный Дон. Спросите, почему? Да, потому, что он сам всех называл именно так, начитавшись братьев Стругацких. Вот и сработал эффект бу-

меранга.

Неторопливо идущий по дорожке человек разжал пальцы, и сигарета упала на землю. Если бы он знал, что это последняя сигарета в его жизни, наверняка докурил бы ее до фильтра. Эх, знать бы...

Окурок еще летел к земле, как человек плавно, но очень быстро ушел вправо нырком, согнувшись. Именно поэтому первая выпущенная в него пуля не угодила ему между лопаток, а только слегка оцарапала правое плечо. И тут же сам открыл ответный огонь с левой, из-под руки, не останавливаясь. Нечто подобное можно увидеть в крутом кино, если бы только артистам показали как это правильно делается.

Попал. Стоящий на колене на крыше гаража стрелок выронил оружие и полетел вниз. Человек, которого где надо называли Благородным Доном, попытался уйти кувырком вправо, но не успел. В дело вступил второй стрелок, явно лучший, чем первый, а, самое главное, выбравший правильную позицию.

Звуки трех хлопков слились в один. Первая пуля угодила в ногу, вторая – под лопатку, и в шею – третья. Он упал лицом вниз, пару раз дернулся и затих.

Второй стрелок, крупный мужчина в бейсболке козырьком назад, одетый в темное, вышел из темноты и легко не по весу ступая, подошел к лежащему. Перевернул его носком ноги на спину и выстрелил ему в голову. Расстегнул куртку, достал висевший на шее «Поляроид» и сделал несколь-

ко снимков. Развернув бейсболку козырьком вперед, он, не подходя к своему стонущему напарнику, два раза выстрелил в него. Бросил пистолет на землю и припустил легкой трусцой в сторону домов.

Часть первая

Глава 1

– Прошу разрешения, Григорий Борисович, – сухоощавый седовласый мужчина приоткрыл дверь в кабинет своего непосредственного начальника, вошел и замер у входа. Несмотря на то, что он закончил службу в звании «контр-адмирал», ему ни единого разу не приходилось выводить в моря и океаны линкоры и авианосцы, а знакомство с водной стихией ограничивалось отдыхом на море. Дело в том, что он был адмиралом Главного разведывательного управления, куда попал юным лейтенантом сразу по окончании военно-морского училища и долгих тридцать лет украшал его собой. За эти годы он перевидал столько жизненных бурь и штормов, попадал в такие передряги и столько рифов преодолел, что хватило бы на дюжину Нельсонов, однако, остался жив, здоров и бодр. Военно-морские словечки и строевую выправку он использовал исключительно в разговорах со своим непосредственным начальником, совершенно искренне считающего своего зама старым пердуном и законченным солдафоном.

– Заходи, Степаныч, – молодой, слегка за тридцатник, человек в стильном костюме от Армани темно-серого цвета и

модных очках в титановой оправе, чем-то отдаленно напоминающий раннего Ходорковского, отработанным движением кисти проводил в укрепленное на стене баскетбольное кольцо оранжевый мячик. – Есть, попал! Проходи, располагайся. Да, мячик прихвати.

Человек, названный Степанычем, кряхтя, поднял закатившийся под стол мяч и вернул его владельцу, после чего устроился на стуле поближе к дорогому руководителю. Тот взвесил на ладони любимую игрушку, столь модную среди топ-менеджеров на Западе, прицелился было в кольцо по новой, но потом передумал и, со вздохом отложив спортивный инвентарь в сторону, распорядился:

– Докладывай.

Степаныч открыл кожаную папку и достал из нее несколько сколотых листов бумаги.

– Кондратьев Станислав Александрович, 1964 года рождения. Принят на службу в ГРУ в 1983 году, уволен в 2003 году в звании подполковника.

– Пенсионер, значит?

– Совершенно верно.

– Продолжай.

– Слушаюсь. Итак, прошел подготовку по программе «Притворщик». Провел около семнадцати операций, и это только в одиночку. Награжден двенадцатью боевыми орденами.

– Короче, вооружен и очень опасен, да?

– Он, действительно, может быть очень опасен. При необходимости.

– Обожаю эти сказки народов мира! Ну, продолжай. Что это, кстати, за программа такая? Что-то не слышал.

– Уникальная программа, сейчас ее уже закрыли. К участию в ней в свое время отбирались наиболее перспективные оперативные сотрудники ГРУ, обладающие способностями к лицедейству и перевоплощению. По окончании подготовки человек приобретал навыки абсолютно достоверного вхождения практически в любой образ и быстрой смены, так сказать, амплуа. То есть, он умел совершенно органически вписаться практически в любую этническую, профессиональную или социальную группу и не выглядеть в ней чужеродным, и многое другое. Кондратьев был одним из лучших. Его оперативный псевдоним – «Скоморох».

– Почему Скоморох?

– Пошутить любил.

– Понятно. Ну, и какие такие подвиги совершил этот ваш Скоморох?

– Когда в конце 2001 года его задержали спецслужбы одной из стран Южной Европы...

– Попался, значит.

– Его сдали.

– Кто?

– Если б я знал. Местный суд отмерил ему двенадцать лет. В течение полутора лет он притворялся сломленным и за-

пуганным. Весь день сидел сиднем в своей одиночке, уставившись в стену. Языка страны, по официальной версии, не знал, его допрашивали с переводчиком.

– И он всех сдал, конечно же!

– А вот и нет. Просто нес какую-то ахинею и все время плакал. И таким образом полтора года он провел тише воды, ниже травы. А в один прекрасный день в тюрьму приехал министр внутренних дел поздравлять руководство и личный состав этого заведения с семидесятилетним юбилеем его работы. Не знаю уж как, но Скоморох умудрился заманить в свою камеру надзирателя, обездвигил его, переделался в его форму и притворился надзирателем. Потом он как-то уговорил отставшего от общей группы одного из помощников министра заглянуть в камеру с самым настоящим шпионом внутри, после чего притворился личным помощником министра. В этом обличии он и покинул тюрьму, утверждая, что едет за портфелем с орденами, забытым шефом у себя в кабинете. Выбравшись оттуда, он тут же снял немалую сумму со счета «бедного» чиновника по его карточке, сменил одежду в первой же попавшейся лавке и дальнейшую суету и мелькание патрульных машин наблюдал из уличного кафе неподалеку от тюрьмы.

– Однако же и нервы у парня. Что было дальше?

– Дальше он вернулся в Россию и уволился со службы.

– А разобраться с теми, кто его подставил, он не пробовал?

– Как раз в то время по подозрению в шпионаже был отдан под суд один из наших генералов, однако, его оправдали за недостаточностью улик. Генерал вскоре покинул страну и через какое-то очень непродолжительное время его нашли мертвым в Испании на собственной вилле. Без каких-либо следов насильственной смерти, кстати.

– Отомстил, значит?

– Точно сказать не могу. В это самое время Кондратьев поправлял здоровье в пансионате на Байкале и его алиби не вызвало ни у кого сомнений, да и никто особо этим делом не занимался.

– Значит, парень зло помнит. Это хорошо. Где он сейчас?

– В Иваново.

– В ткачихи подался? Живет он на что?

– Мы навели справки. В настоящее время он пишет тексты для эстрады. Помните, эту хохму в «Аншлаге»...

– Я «Аншлагом» не интересуюсь, Ладно, пора посмотреть, что это за Скоморох, вызывайте.

– Он может отказаться.

– А кто его будет спрашивать?

Глава 2

«...зашлют бабла в оркестр, в натуре!» Уфф, готово! Читаем, редактируем, отправляем. Теперь Сема Липкин будет выступать с этим с эстрады городов и весей России под видом собственного творения, пока миниатюра не протрется до дыр от частого употребления. А потом еще и перепродаст ее не без выгоды. Впрочем, я не в обиде, Сема платит за сочиненное ему, не особо торгуясь и вовремя.

Боре Беляеву пока ничего писать не буду, у Бореньки в очередной раз приключился творческий запой, теперь он дней восемь, как всегда, будет от всех где-то прятаться и пить, потом его отловят и дня три будут выводить из запоя, и еще неделю после этого он будет поправлять в какой-нибудь закрытой клинике пошатнувшееся здоровье. Итого, сорок плюс сорок будет рубль сорок. Эк, я пошло шутить-то начал, что значит, профессиональный текстовик. Если так и дальше пойдет, то через пару лет из меня улетучатся последние остатки юмора и придется наниматься в похоронную контору плакальщиком. Впрочем, долой пессимизм, несколько лет у меня в запасе еще есть.

А не устроить ли мне самому себе каникулы недельки, эдак, на три? Съезжу, скажем, на Дальний Восток, развеюсь немного. В Благовещенске живет мой старинный, еще с прежних времен друг, Володя Иванов. Влюбился человек

в тамошние красоты и ни в какую Москву его калачом не заманишь. Повышиваю с ним на байдарке по Зее, у костра посижу, за жизнь потреплюсь. Решено, еду. Только, с начала с этими уродами разберусь.

Меня уже третий день настойчиво и тупо водит по городу группа из трех молодых людей быковатого вида. На их невысоких, шириной в два шнурка (мое почтение, М. М. Задорнов) лобиках крупными буквами прямо-таки написано: «Частная служба безопасности», именно частная, а не государственная, разница очень заметна. Эти красавцы следуют за мной как приклеенные на машине и пешком, в кафе, в магазин, в спортзал. Ничуть не сомневаюсь, если мне придет в голову светлая мысль посетить биотуалет на привокзальной площади, один из них точно полезет за мной в кабинку.

Кому же это я могу понадобиться? Последние несколько лет я живу тихо, как мышь под веником, ни во что не встречаю, наслаждаюсь покоем. Короче, это пристальное внимание мне сильно не понравилось, и я решил ненавязчиво познакомиться с этими милыми юношами, для чего вчера утром сходил на рынок и в толчее прикрепил одному из них микрофончик на куртку, а потом послушал их разговоры. И здорово удивился, признаюсь. Оказывается, они собираются слегка меня поколотить и отвезти к какому-то шефу в Москву. Интересно, а почему не могут просто подойти и передать приглашение, стесняются, что ли?

Короче, диспозиция такова: они выяснили, что по поне-

дельникам, средам и пятницам я посещаю спортзал на улице, названной в честь революционера местного разлива с гордым погонялом Громобой. Решено, что один из них, Димон, уболтает меня на небольшой спарринг, в ходе которого навешает мне по полной, а потом меня посадят в машину и повежут, якобы, в травмпункт, но окажусь я почему-то в Москве. Такой вот элегантный планчик. Давненько со мной не обходились с такой гениальной простотой, такое ощущение, что ребята не знают, с кем связываются, обидно даже.

Они уже ждали меня в зале, двое – разминаясь, а третий просто сидел на скамейке, охраняя сумки. Корявенько разогревшись, я надел перчатки и пошел колотить по груше в стиле «получи, праативный», попадая по ней через два раза на третий.

– Мужик, эй, мужик!

Не оборачиваемся, это, видимо, не нам.

– Мужик, ты че, глухой?

Надо же, это он, оказывается, меня звал.

– Это вы меня?

– А кого еще?

– Я думал, не меня. Видите ли, все мужики сейчас к уборочной готовятся...

– Очень умный, да?

– Да как вам сказать...

– Щас дам в репу, сразу станешь проще.

– Не понял...

– А хрен ли тут понимать, пошли на ринг, поработаем.

– Видите ли, я не совсем в форме, может как-нибудь в другой раз...

– Да, не ссы, я тихонечко. Поработаем пару раундов на технику и все, свободен.

– А, может, все-таки...

– Короче, ты уже достал. Или идешь на ринг, или я прямо здесь тебе настучу.

Ладно, на ринг, так на ринг. Неловко протискивая тушку между канатов, я робко поинтересовался:

– А какие правила?

– А никаких правил, гы, гы, гы...

Ладно, уговорил, речистый, никаких, так никаких. А само, как видно, из боксеров будет, ишь, стойку принял, при-танцовывать начал, Рой Джонс хренов.

Я шагнул вперед с опущенными руками, он скользящим шагом, двинулся мне навстречу. На его честном и бесхитростном личике можно было без особого труда прочесть весь план на бой, вернее, на избиение младенцев. Сначала он хлестко пробьет мне по печени с левой, ей же ударит в челюсть снизу, а потом добьет правым боковым в висок. Чтобы облегчить хлопцу задачу, я двинулся вперед и широко размахнулся правой рукой. Он шагнул левой ногой мне навстречу, и я тут же ударил его носком правой ноги под коленную чашечку. При правильной постановке носка ударной

ноги, то есть не перпендикулярно, а под углом в сорок пять градусов к точке приложения удара, противник испытывает зверскую боль. Кроме того, у него становится на одно здоровое колено меньше. Все так и получилось. Он получил удар как раз в тот момент, когда переносил вес тела на левую ногу. Беднягу аж скрючило от боли, он согнулся и я добавил ему локтем по затылку.

Оттащив отключившегося бойца с ринга, я подошел к его впавшим в ступор подельникам.

– Ты шофер?

– Я – хрипло ответил молодой прыщавый парень, самый хилый из них троих, и тут же был поощрен за откровенность указательным пальцем под кадык. Парень закашлялся и сполз со скамейки.

– Э, ты че? – схватил меня за футболку третий. Если мне не изменяет память, в этой супергруппе он был старшим и звали его Вован. Я немного повернул его руку против часовой стрелки, затем потянул ее на себя и сразу – резко под углом вверх.

– Ооой, ептть, ууу! – как сказал Станиславский, верю и сразу: ощущения при этом болевом такие, что ни в сказке сказать, болят все – запястье, локоть, плечо и даже волосы на заднице. Я развернул его и, когда он повернулся ко мне спиной, резко ударил его основанием ладони под сердце, исключительно из чувства милосердия. И боль сразу же его покинула. Вместе с сознанием.

В сумках обнаружилось всего два пистолета, прыщавому, судя по всему, оружия не полагалось. Пистолеты я разобрал, сбрасывая детали на дно одной из сумок. Но не все. Возвратные пружины я решил оставить себе, на память о нашем волнительном знакомстве. В сумках оказалось три паспорта. Я просмотрел их и забросил назад.

– Вставай, лишенец, чего разлегся – несильный пинок в голень немного привел водилу в чувство. Он закашлялся и поднял голову, глядя на меня с искренним ужасом.

– Забирай этих уродов и возвращайся на базу. В пути позвонишь и расскажешь, как все было. Да, и не забудь передать, я настоятельно прошу больше ко мне никого не присылать. Если еще раз такое повторится, гостей обижу по-настоящему. Понял?

– Д-д-а.

– Вот и чудненько, сделай так, чтобы остаток жизни я по тебе скучал.

Что-то мне подсказывало, что это не конец истории, а только ее начало. Время показало, что я оказался не так уж и не прав.

Глава 3

– А, Скоморох-то твой, Степаныч, совсем непрост оказался. Я послал за ним старшего смены из группы силового прикрытия с двумя бойцами, сказал, чтобы просто, без затей навешали ему по физиономии и привезли сюда.

– Зачем же так-то, Григорий Борисович?

– А что такое?

– Что с ними?

– У одного повреждена нога и сотрясение мозга, у второго серьезная травма руки, третий отделался легким испугом.

– Водитель?

– А как ты догадался?

«Как я догадался? А везти этих мудаков назад кто будет? Господи, ну и повезло же мне с начальничком!».

– Я же предупреждал Вас, что он очень опасен. Он ничего не просил передать на словах?

– Ты сегодня просто в ударе, Степаныч! Передал, просил оставить его в покое, предупредил, что следующих гостей встретит совсем неласково.

– А может ну его, шеф?

– Как это, ну его? Он мне нужен и он будет на меня работать.

– Вынужден еще раз предупредить, это очень непростой человек и он способен на многое.

– Что-то я не припомню, когда это я просил тебя о чем-то меня предупреждать.

– Виноват, Григорий Борисович.

– Именно, виноват, молодец, что понял. А, знаешь, в чем виноват?

– Ну...

– Совершенно верно, виноват в том, что решил, что кому-то в этом кабинете интересно твое мнение. Твое дело – выполнять, а мое – думать. Уразумел?

– Так точно, – старый служака встал и принял стойку «смирно».

– Ладно, сядь, не в казарме. Ты главное пойми, не было в вашей конторе при совке толкового менеджмента, а значит и настоящих профессионалов, откуда им было взяться? Вся ваша советская власть была построена на вранье и приписках. Везде врал, понял? Зерна собирали больше всех в мире, а потом его же в Канаде закупали. В Афган влезли как мушкетеры, а там вас сделали как лохов и кто? Крестьяне неграмотные с дедовскими кремневыми ружьями. Потом в Чечне навалили по полной. Не было у вас профессионалов, еще раз повторяю, – он явно завелся, – и не надо сказок о мертвой царевне, уразумел?

– Уразумел.

– Вот и ладушки. А этого вашего Скомороха через три сюда в багажнике привезут. Я к нему Чингиза с ребятами направлю. Этот-то точно справится.

Глава 4

Ни в какой Благовещенск я, конечно же, не поехал, еще не хватало впутывать хорошего человека Володю в свои проблемы. Я решил, что следующая группа товарищей появится на третий день: первый я отводил на возвращение группы героев в родные пенаты и доклад о совершенных подвигах, второй – на принятие решения о направлении следующей группы, третий – на собственно прибытие и начало работы по мне любимому.

Вторая группа работала гораздо грамотнее. Если бы я точно не знал, что меня будут водить, мог бы сразу и не заметить. У этих хотя бы хватило ума кататься за мной в неприметной «шестерке» с местными номерами. Предыдущие уха-ри раскатывали по городу на джипе с номерами московскими...

Менять обличие и притворяться я не стал – много чести, поэтому просто и без затей опять сходил на рынок и поставил к ребятам ушки. Услышанное меня приятно удивило. В этот раз меня предполагалось не просто захватить, а еще, вдобавок, и унижить.

Весь путь до столицы я должен был с комфортом провести в багажнике их авто в наручниках, а прихватить меня предполагалось прямо у меня же дома. Ничего не скажу, ребята попались с фантазией: следом за идиотами прислали супер-

менов. Кого, интересно, потом направят?

Утром следующего дня перед тем, как покинуть квартиру, я тщательно закрыл везде окна и не стал запирать, уходя, дверь на все замки – самый несерьезный с виду из них открыть без «родного» ключа было просто невозможно. В мои планы совершенно не входило встретить у собственной входной двери по возвращении взопревшего и хнычущего взломщика...

Я вышел из подъезда и остановился, щурясь на солнышко. Со стороны улицы во двор вошел брутального вида мужчина в светлом летнем костюме и черной рубашке нараспашку. Длинноватые иссиня-черные волосы были зачесаны назад и опадали на воротник, левую щеку украшал небольшой поперечный шрам, на носу красовались моднющие темные очки. Скользящей походкой пройдя мимо меня, он целеустремленно двинулся к входу в мой подъезд. Ну, здравствуй, Чингизик! Примерно таким я тебя себе и представлял.

Не торопясь закулив, я начал внимательно изучать только что извлеченную из собственного почтового ящика местную газету, видимо, обнаружив в ней что-то особо для себя ценное.

Так, сколько там этот мачо возится с моей дверью? Ого, уже полминуты, интересно, успел открыть или нет? Ладно, дадим еще секунд двадцать, а пока поизучаем раздел «Объявления». Что там у нас? «Абсолютно чистоplotная интеллигентная девушка придет в гости к обеспеченному господи-

ну и скрасит его одиночество за очень умеренную плату...» Вынужден буду, девушка, вас серьезно огорчить, ко мне в гости нельзя, у меня сейчас гостит абсолютно крутой мужчина Чингиз.

Есть, вошел и отзвонился. Во дворе появился еще один из их команды, судя по всему, для подстраховки и транспортировки моего обездвиженного тельца для дальнейшей погрузки его в багажник. Увидал меня и сделал вид, что ошибся двором.

Детский сад, вторая четверть!

Я достал из кармана небольшую плоскую коробочку, очень похожую на брелок автосигнализации, дважды нажал на красную кнопку и потопал по своим делам. Следом за мной никто не шел, зачем попусту набивать мозоли, и так всем ясно, что я вернусь к себе и меня встретят. У меня было около часа свободного времени и я решил провести его с пользой, зашел в магазин за кое-какими продуктами, купил газет в киоске и выпил сока в кафешке. Все, пора возвращаться, а то заждались сердешные.

Как я и ожидал, двое ждали развития событий в своем авто, теперь уже в здоровенном, звероподобном джипе в безлюдном тупичке. Я тихонько подошел и, открыв переднюю левую дверь, закинул в салон маленькую гранатку из старых запасов. Теперь за этих ребят можно не беспокоиться, крепкий и здоровый сон им обеспечен минимум на пять часов.

Давешний, ошибшийся накануне двором персонаж, сидел

на скамеечке у входа в мой подъезд, поглощенный чтением «Советского спорта» четырехдневной давности, даже стало как-то неудобно отвлекать его от чтения. Я прошел мимо него и вошел в подъезд и тут же опять появился в дверях.

– Молодой человек, да, вы, подойдите сюда, пожалуйста.

– А в чем дело?

– Тут какой-то мужчина лежит между первым и вторым этажом.

– А мне-то что?

– Он, видимо, ранен. У него такой светлый пиджак, так он весь в крови.

– Светлый! – и он ломанулся во внутрь, едва не сбив меня с ног. И тут же упал. Это я, зайдя следом, аккуратно приложил его ребром ладони в основание черепа, а потом потащил его тушу к себе на третий этаж, медленно, но верно приходя в ярость: я, между прочим, можно сказать, интеллигентный человек, текстовик, а не грузчик и таскать кабанов за сто кило веса не нанимался.

Затащив этого тяжеловеса к себе, я первым делом осмотрел квартиру. Как и ожидалось, крутой мэн Чингиз мирно спал у меня в гостиной на ковре и поэтому его можно было оставить на второе. Почему спал? Когда я нажал на кнопку брелка, сработало дистанционное устройство, и квартира наполнилась сонным газом мгновенного воздействия. Этот газ, кроме всего прочего, хорош еще тем, что через десять минут полностью распадается на безобидные для здоровья состав-

ляющие. Я быстренько упаковал оглушенного и отнес его в ванную, где и оставил лежать на резиновом коврике. Ознакомился с содержимым его карманов и обыскал: бумажник, ПМ с глушителем и неплохой нож в укрепленных на левом предплечье ножнах. Ножик я решил забрать себе. Люблю, знаете ли, холодное оружие и потом, что за война без трофеев?

Чингизом я занялся гораздо более тщательно. Ого, «Глок» с глушаком в подмышечной кобуре, миниатюрный браунинг в кобуре на правой голени, складная дубинка (подозреваю, что этот проказник хотел меня ей слегка обработать), небольшие никелированные наручники, удостоверение сотрудника управления ФСБ по Москве и Московской области, выданное некому майору Карпееву Марату Исмаиловичу, бумажник и относительно чистый носовой платок. Полный, так сказать, джентльменский набор.

Лжемарата я упаковал гораздо более тщательно, примотал его скотчем к креслу и, заварив себе кофе, стал ждать пробуждения.

Он пришел в себя на пару минут позже, чем я ожидал и некоторое время сидел с закрытыми глазами, не дергаясь, пытаясь понять, где он и что же с ним произошло. Браво, в парне явно чувствовалась школа.

– Время просыпаться, дорогой, – прервал я его медитирование, – пора знакомиться с хозяином квартиры.

Он открыл глаза и попытался поднять руки. Ничего у

него, конечно же, не получилось – большие пальцы были скованы наручниками, которые он заботливо прихватил для меня, и он сидел на собственных руках.

– Пить дай, – хрипло потребовал он. Пить ему действительно очень хотелось. По собственному опыту знаю, какой сушняк бывает после знакомства с этим газом.

– Воду надо еще заслужить, с начала ответить на пару моих вопросов.

– Ты попал, мужик, я сотрудник ФСБ и...

– А я прохожу по делу об изнасиловании кенгуру в местном зоопарке в процессе измены Родине, не так ли? Хватит чушь молотить, Маратик. Ксива у тебя насквозь левая, вооружение – нештатное. Или мне лучше называть тебя Чингизом?

– У тебя будут серьезные неприятности, причем, очень скоро.

– Если ты рассчитываешь на своих подельников, то вынужден тебя жестоко обломать, двое еще почти пять часов будут спать в машине, а третий лежит у меня в ванной и никого не трогает.

– Пить дай и руки освободи.

– Ладно, уговорил, речистый. Попить тебе, так уж и быть, дам, а руки освобождать не буду, даже не мечтай.

Он жадно выпил всю воду из пол-литровой бутылки, а я тем временем отправился на кухню заварить себе еще кофейку, а заодно – подождать несколько минут, пока начнет

действовать добавленная в воду химия. Может и не стоило скармливать этому самому Чингизу одну органику поверх другой, но ведь, я его в гости не приглашал, сам приперся, весь из себя такой вооруженный и наглый.

За время моего отсутствия пленник заметно повеселел и стал более расположенным к беседе.

– Поговорим?

– От чего же не поговорить с хорошим человеком, спрашивай.

– Служил где?

– С начала десантура, потом пять лет в иностранном легионе.

– Школа, однако.

– Школа школой, а сделал ты нас красиво, ничего не скажу. Правда тебе это не поможет, уж больно серьезные люди за мной стоят.

– Даже так, стоят, интересно. И кто же?

– О группе компаний «Русская сталь» слышал?

– Как не слышать, вы постоянно на слуху. И что им от меня надо?

– А я почему знаю? Мое дело – клиента слепить и доставить, куда скажут. Моя группа... Слушай, ты что такое в воду подмешал? Говорю, не могу остановиться.

– Кто у вас там командует?

– Ты, что, совсем по уши деревянный? Вся страна знает, что хозяин у нас Петр Николаевич Крупин, а ты не в курсе,

да?

– Я имею в виду, кто руководит службой безопасности?

– Начальник службы у нас Григорий Борисович Вайсфельд, тот еще перец. Мы его между собой называем Менеджер. Только и слышишь: сильный менеджер, слабый менеджер, успешный менеджмент, профильные активы и прочая хрень. Родственничек кого-то из совета директоров. А в замах у него бывший генерал из ГРУ Терехин Андрей Степанович, все его зовут Степаныч. Вот тот да, косит под простачка, а сам еще тот лис.

– А чем занимается твоя группа?

– Выполняем особые поручения.

– Давно работаешь в «Стали»?

– Третий год.

– Нравится?

– Платят хорошо, вот и нравится.

– Получается, ты что-то вроде аса по спецзаданиям?

– Хорош подкалывать, но наш-то шеф...

– Тебе ставил задачу Степаныч?

– Нет, сам Вайсфельд. Сказал, что ты – лох голимый, тебя надо запрессовать и привезти в багажнике. Премию обещал, десять штук евриков на всю команду.

– Ну, извини.

– Ничего, сквитаемся, если карта ляжет. Слушай, я подремлю еще маленько, а то сил нет...

– Спи.

На этот раз он проспал совсем недолго, максимум десять минут и проснулся в мерзком настроении, понимая, что наболтал много лишнего.

– Доброе утро, водички хочешь?

– Чтоб ты этой водой захлебнулся.

– А вот хамить не надо, мальчуган, я ведь и рассердиться могу. Наоборот, должен спасибо сказать, что я тебя так допрашивал. Мог, ведь, и по-другому.

– Ну, спасибо, благодетель.

– Обращайтесь. На вот, попей. Не бойся, ничего постороннего в воде нет. Все, что мне было надо, я уже узнал. Да пей ты, не бойся. Вот молодец. Теперь давай так, ты звонишь шефу и докладываешь о том, что случилось.

– Обойдешься.

– Последний раз предупреждаю, не хами. Или мне тебе еще чего-нибудь вкусенького скормить?

– Мне не поздоровится, если ты узнаешь его номер.

– Меня его номер не интересует. Единственное, что нужно, это что бы вы поскорее из города слиняли и мне вас, дураков, убивать не пришлось.

– Даже так?

– Именно.

– Вижу, придется звонить.

– Да, уж, придется. А хочешь, я расскажу тебе, как пройдет разговор? Ты доложишь ему, что вы прокололись, а он

назовет вас мудаками и прикажет возвращаться на базу.

– И все?

– И все.

– Ладно. Найди в телефоне букву «М», набирай. Алло, это Чингиз. Мне бы Григория Борисовича... Здравствуйте. Да. Нет, мы облажались. А, понял. До свидания. Угадал, слово в слово.

– Опыт не пропьешь, – ответил я скромно. – Ладно, что-то ты у меня загостился. Сейчас я развяжу твоего подельника и чешите отсюда по холодку. Больше постарайтесь мне на глаза не попадаться.

– Это, как выйдет. Наручники сними.

– Перебьешься.

– Тогда хоть ключи отдай, – попросил Чингиз, покидая мою гостеприимную обитель вместе с шатающимся подельником.

– Потерял, никак не могу найти. Как-нибудь сам управисься.

В этом я, между нами говоря, немного сомневаюсь. Дело в том, что когда я паковал спящего Чингиза, то по врожденной вредности добавил эпоксидки в замочные отверстия, так что бедолага не сможет снять оковы до самой Москвы, как, кстати, и планировалось поступить со мной.

Злой я какой-то стал, мстительный. Наверное, это от усталости. Эх, в отпуск бы сейчас, на Амур с Зеей, а не выйдет. Не оставят меня эти ребята в покое. Только приезжать

за мной, чувствую, больше никто не будет. Мне просто позвонят, причем, я даже знаю, кто. Андрей Степанович Терехин, в прошлом – сухопутный адмирал из ГРУ. Степаныч, как все называют его на новом месте работы. Бывший куратор нашей службы.

Глава 5

– Уел ты меня, старый черт, уел! Твой этот, как его, в общем, Чингиза с группой он уделал как детей малых. Даже обидно.

– Никто не пострадал?

– Он троих газом траванул, а одного просто вырубил. Сейчас уже оклемались. Да, он на Чингиза его же наручники надел и эпоксидки в замки залил. Ребята замучились их потом распиливать. Чингиз страдает – едва без пальцев не остался и, вообще, обидно.

– Шутник этот твой Скоморох.

– Он такой.

– А давай-ка, Степаныч, накатим слегка, все-таки вечер уже, имеем полное право расслабиться.

– Ну, я думаю, немного можно, – и не самый большой любитель спиртного Степаныч изобразил на лице радостное предчувствие выпивки, как тот классический товарищ офицер из анекдота, большой дока по части выпить и покурить.

– Вот и славненько, что пить будешь, конечно же, водочку?

– Водочку, – согласился Степаныч, потирая руки в предвкушении. Вообще-то он предпочитал ирландский «Айришмен» пятнадцатилетней выдержки, не менее, или уж, в крайнем случае, «Гленлевит», но если уж шеф решил, что преде-

лом его пристрастий может быть водка...

– А я, пожалуй, текилки. Огурца нет, извини, старина. Лимончиком закусишь?

– Нет проблем, – и старый вояка залпом жахнул полстака на сорокоградусной, краем глаза отмечая легкое презрение, проступившее на лице обожаемого шефа, как у наследного принца, вынужденного по воли злодейки-судьбы выпивать с ассенизатором. «Рукавом, что ли, занюхать? – промелькнуло в голове – Нет, пожалуй, это будет перебор».

– А, может, просто грохнуть этого твоего Скомороха? – шеф изящно и по всем правилам, то есть, с солью и лимоном откусал «Текилы Союза» и закурил настоящий английский «Ротманс».

– А за что?

– А просто так, не нравится мне, как он с нашими ребятами поступает.

– А как ему еще поступать? Ему же никто ничего не предлагает, просто приезжают к нему в город добры молодцы и всяк норовит обидеть, кто в морду настучать, кто в багажник упаковать.

– Ты ведь знаешь, старый, я в нашей работе не новичок, – и он широким жестом указал на висящие на стене справа от него дипломы и сертификаты, свидетельствующие о том, что господин Вайсфельд прошел, и не однократно, разнообразные курсы и тренинги, достаточно часто в последнее время организуемые спецслужбами США, Великобритании,

Франции, Германии, Израиля и всеми остальными, кому не лень. – И я сам распорядился на него наехать. Интересно, знаешь ли, было посмотреть, чего он стоит.

– И?

– Он дорого стоит. Но, почему, почему он сидит в какой-то перди и сочиняет разную херню для всяких дебилов, вместо того, чтобы работать по специальности и зарабатывать хорошие деньги? Не могу понять.

– А, может, он просто устал и хочет покоя?

– Мне насрать, чего он там хочет. Этот человек должен работать на нас, баста! И я этого человека получу. Если надо, пошлю за ним группу побольше.

– А может, я попробую, шеф? Вы уж извините, но мне кажется, что вам будет непродуктивно размениваться на такие мелочи.

– Непродуктивно? Ишь, какие слова выучил, – шеф окинул подчиненного критическим взглядом энтомолога, любящегося пришпиленной к бумажному листу бабочкой.

– Я же с вами работаю, вот и стараюсь соответствовать.

– Это хорошо, что стараешься. Ладно, уговорил, попробуй. Через три дня доложишь о результатах и постарайся не облажаться. Понял?

– Так точно.

– Вот и договорились. Еще по одной? – снизошел шеф.

– С удовольствием, – радостно ответил «любитель хорошей русской водки».

Глава 6

На следующий день ближе к вечеру зазвонил телефон, номер собеседника не определился. Понятненько...

– Да.

– Привет, Стас. Узнал?

– Да.

– Тут такое дело, надо бы встретиться.

– Приезжайте, только без этих ваших клоунов, а то у меня нервы не железные.

– Это была не моя инициатива, но, все равно, извини. Ты мог бы завтра быть в Москве? Тут с тобой одни люди хотят побеседовать, вроде, у них для тебя работа есть.

– У меня уже есть работа.

– Шутки юмора?

– А что? Нормальная работа, как раз для интеллигентного человека средних лет. Другой пока не надо.

– Стас, мне неудобно напоминать, но я тебя как-то раз немного выручил...

– Не раз и я это помню.

– Хорошо, что помнишь. А сейчас у меня к тебе просьба, приезжай в Москву и выслушай предложение. Ты можешь от него отказаться, никто тебя неволить не будет.

– Мягко стелите. А сразу позвонить нельзя было, без всех этих песен и плясок народов мира?

– Не я все решаю.

– Ой ли?

– Честно, Стас. У моего шефа возникла идея проверить, не заржавел ли ты.

– Если я правильно понял, этот телефон не прослушивается?

– Обижаешь.

– Ну, да, опыт не пропьешь.

– И еще, только за то, что ты приедешь и выслушаешь, что люди предложат, я уполномочен выплатить тебе десять тысяч евро.

– Ишь ты.

– А то.

– Чувствую, Степаныч, от вас, таких настойчивых, не отбрешешься.

– Степаныч, говоришь... Значит, Чингиза ты, все-таки, расколол.

– За не фиг делать.

– И правильно, а то развелось суперменов, плюнуть некуда. Хорошо бы нам, Стас, завтра с утречка пораньше пересесть, пошептаться немного, а потом уже и в контору ехать.

– Ладно, выезжаю сегодня в ночь. Поезд прибывает на Ярославский в шесть сорок пять.

– Буду ждать тебя возле расписания электричек. Спасибо, что не отказал. До встречи.

– И вам не хворать.

Глава 7

– Прямо так сразу и согласился?

– Не сразу, конечно, но...

– Молодца, Степаныч, возьми с полки пирожок. Сколько запросил за проезд?

– Он ничего не просил, я сам предложил ему десятку.

– Долларов?

– Евро.

– А не жирно будет?

– Вы же сами предлагали пообещать ему денег, а в смету я уложился, даже более, чем.

– Ладно, во сколько он будет у нас?

– Около одиннадцати утра.

– Отлично. Как думаешь, он согласится работать?

– С учетом того, что он завтра узнает, думаю, что не сможет отказаться.

Глава 8

С момента моего прибытия в столицу и началась эта милая история продолжительностью в десять дней и еще несколько. Не скажу, что эти дни потрясли весь мир, но кое-кого, в том числе, и вашего покорного слугу, задело достаточно существенно.

Заранее извиняюсь за бесконечные отступления в прошлое и в сторону, думаю, что без этого мне трудно рассказать, а читателю – понять, в какую же гадость я в очередной раз влип.

Отдельное «извините» за порой натужный юмор. Не всегда получается растягивать рот в улыбке, когда судьба лупит кувалдой по темечку.

Итак, начинаю.

День первый

Зевая во весь рот, невыспавшийся и злой, я вышел из поезда. Почти до самого утра в СВ, в котором я наивно надеялся добраться до Москвы без шума и пыли, шла настоящая русская гульба, бессмысленная и заполошная. Местные бизнесмены начали праздновать успех переговоров в столице задолго до их начала, вопя во все горло о каком-то «охрительном пакете коммерческих предложений». Что они мог-

ли здесь и кому предложить, кроме своих опухших по утру рож, не представляю. Не успел поезд тронуться, как они начали шастать из купе в купе друг другу в гости, что-то громко крича о собственной крутости и перспективах покорения столицы, причем, по мере продолжения банкета крутость достигла Эвереста, а перспективы вышли за пределы горизонта и здравого смысла. Потом акулам местечкового бизнеса захотелось ласки и тепла и по вагону, пиная ногами стеклотару из-под «Шуйской особой», засновали какие-то девки, врывающиеся во все подряд купе без стука. Остаток ночи я провел, отстаивая свою невинность от заманчивых эротических предложений («Так, мужчина, классика, оральный секс, эротический массаж, за анал доплата тыща рублей, есть игрушки...» – и тычут в физиономию искусственным фаллосом слоновьих достоинств.)

Столица встретила меня легким дождичком и утренней неизгаженностью.

У расписания меня ожидал Андрей Степанович (буду теперь его, как все, называть исключительно Степанычем) в образе небогатого, но бодрого пенсионера. Поручкались и обнялись, все-таки почти пять лет не виделись.

– Видок у тебя, Стасик, пил, поди, всю ночь?

– Хуже, слушал пьяные вопли, да от шлюх отбивался.

– С этими, что ли, ехал? – и указал на стайку обалделых пузатых мужиков с галстуками набок, растерянно озирающих привокзальную площадь. Чувствовалось, эти бизнесме-

ны еще не осознали, где они, зачем они и, вообще, кто они такие.

– С ними, родимыми.

– Да, не оскудела Русь-матушка мудаками. Поехали.

«Стальной конь» Степаныча ждал нас на стоянке у вокзала, скромненький такой серый «вольвешник».

– Шикуете, – заметил я, забираясь на переднее сиденье.

– Давно ты, Стас, в столицах не был, позабыл, как люди живут.

– Куда едем?

– Ко мне, мои все на даче, нам никто не помешает.

– А как у Вас, вообще, дела? – и я покрутил в воздухе указательным пальцем.

– Нормально, регулярно проверяюсь.

– И точно нормально, – я достал из кармана небольшой приборчик, очень напоминающий миниатюрный мобильник и посмотрел в окошечко индикатора. – Действительно, горизонт чист, даже странно, – достал второй приборчик и сунул его в пустую подставку под телефон на передней панели. – Береженого Бог бережет.

– Логично, – мой собеседник, в свою очередь, достал из портфеля аналогичное устройство и продемонстрировал мне, – чисто.

– Тогда излагайте.

– Тебе предложат работу, – он ловко вырулил со стоянки и влился в не такой и густой по утру поток машин, – по-

дробности узнаешь у моего шефа. От этой работы ты не откажешься.

— Это с каких пряников?

— А вот об этом я и хотел с тобой поговорить.

— Интересно.

— Сейчас тебе еще интереснее будет. Ты Женю Степанова помнишь?

Я прекрасно помнил Женю Степанова. В 86-ом в Афгане он был начальником дивизионной разведки на юго-востоке страны, а я, тогда еще молодой и зеленый советский военный разведчик, притворялся в той же дивизии прапором, помощником шифровальщика. Туда меня послали вычислить «крота» в штабе дивизии, сливающего информацию одному милому человеку по имени Хайят, что на фарси означало «жизнь». Этот дядя, в прошлом – военный летчик, командовал бандой численностью до трехсот сабель и прославился тем, что обожал лично убивать захваченных в плен наших солдат и офицеров, предварительно от всей души над ними поизмывавшись.

«Кротом» оказался душка-военный, начальник одного из отделений штаба дивизии, такая жадная хитрожопая гнида в чине подполковника, кроме всего прочего, однокашник по училищу и личный друг комдива.

К сожалению, кто есть кто, я понял с опозданием, а поэтому попал в жесткий цейтнот, на все про все у меня оставалась ночь. Той ночью я пришел в запертый изнутри отсек

в модуле, где ночевал Степанов.

Двухметровый белобрысый гигант Женька был родом с Северного Кавказа и обладал вулканическим темпераментом. Естественно, поначалу он едва не пришиб меня насмерть, когда я разбудил его посреди ночи. Ко всему прочему, в дивизии все считали меня конченым придурком и иначе, чем «Акробатиком» не называли, учитывая мою привычку красоваться перед всем честным народом на турнике или брусьях спортивного городка, демонстрируя свой обнаженный пропотевший торс. Такая, вот, у меня была легенда.

Все-таки он мне поверил, и все у нас тогда получилось. Милашка Хайят не смог в очередной раз накрыть нашу группу, а сам был привезен в распоряжение дивизии в виде безжизненной тушки на грузовике. Расколовшегося до самой жопы подполковника отправили в наручниках в Союз и вскоре расстреляли, а приказ об этом зачитали по всем вооруженным силам.

Степанов в начале девяностых ушел со службы и не без успеха занялся строительным бизнесом в Поволжье. Время от времени мы созванивались, а последний раз пересеклись год назад в Москве и как следует выпили водки.

– Что с Женей?

– Неделю назад он вручную покалечил шесть человек из числа группы силовой поддержки местной налоговой инспекции.

– Он такой, он может, а за что он их так?

– Насколько мне стало известно, его фирма приглянулась кое-кому из областной администрации. Ему предлагали договориться по-хорошему, но он их послал. Тогда наехали по всем правилам. Один из гоблинов в масках ударил прикладом главбуха фирмы, что интересно, по фамилии Степанова. Ему, видите ли, показалось, что она недостаточно быстро исполняет команду «К стене». Вот Женя и рассердился. Сейчас он в СИЗО. Кроме всего прочего, ему шьют участие в ОПГ.

– Женьке?

– Ему, ему. Один из покалеченных оказался сынком местного милицейского генерала.

– Да, уж.

– Короче, если ты согласишься, со Степанова снимают все обвинения, он продает свою фирму по реальной стоимости и, желательно, уезжает из города. Ну как, по рукам?

– Нет. С него снимают все обвинения, и ни одна курва его больше не трогает.

– А ты не зарываешься?

– А я вам всем нужен очень, вот и пользуюсь случаем. И потом, я Женьку знаю. Никому он ничего не продаст и никуда не съедет, не тот человек. И еще, как вы узнали обо всем этом?

– Филиал у нас в том регионе и очень неплохая служба информации.

– Сами налаживали?

– Почему, сам, Демочкина помнишь? – Демочкин был самым хреновым на моей памяти оперативником, но классным информатором. Когда он ушел с оперативной работы и занялся тем, к чему имел несомненный талант, дела его резко пошли в гору, и он чудом не выбился в генералы. Всегда любил работать с информационными документами его выпечки: кратко, подробно, ничего лишнего и, в то же время, ничего не пропущено.

– Ваш главный знает об этом?

– Нет, за регионы отвечаю лично я.

– Тогда...

– Нет, это не наша подстава.

– Как-то все уж больно интересно сложилось по месту и времени. Я просто хочу сказать, что...

– Стас, я еще не совсем выжил из ума.

– Я просто вас предупредил.

– А я тебя понял. Ну, что скажешь?

– Вы сами знаете ответ.

– Вот и славно, – он достал из кармана трубку и набрал номер. – Работайте. Да, первый вариант, – отключил телефон и вернул его на место. – До обеда выпустят. Сам позвонишь и проверишь.

– Конечно.

Машина нырнула в арку «сталинки» на Добрынинской и затормозила у подъезда.

– Приехали.

Глава 9

В половине одиннадцатого, как было рекомендовано, я был на месте, у скромного двадцатипятиэтажного здания, примыкающего к «золотой версте» Остоженки, огороженного металлическим забором вместе с островком примыкающей территории, общей площадью гектаров так с пять.

У перекрывающего въезд во внутрь этого великолепия стильного от кутюр шлагбаума стоял не менее модный высокий флагшток со знаменем черно-красно-желтого цвета и надписью белыми буквами «Русская сталь» поперек полотнища. По моему глубокому убеждению, на знамени не хватало еще одного слова: «Скромность». Думаю, именно эта мысль непременно возникала у любого при взгляде на сие офисное безумство.

Суровый дядя на проходной в униформе от Дольче и Габана долго всматривался в мой паспорт, сравнивая фото в нем с оригиналом, потом набрал трехзначный внутренний номер и отпрапоровал голосом насморочного робота:

– Прибыл Кондратьев.

А дальше пошел симбиоз ярмарки тщеславия с парадом идиотов. Встретивший меня у входа на территорию «сталеваров» юный и прекрасный как Дима Билан, пыжащийся от собственной значимости отрок, довел меня до бюро пропусков на цокольном этаже, где сдал с рук на руки седовласо-

му мужчине средних лет со взором серийного Штирлица. Тот, еще раз просканировав взглядом мой разнесчастный паспорт, занес данные оттуда в компьютер и несколько минут колдовал над ними, очевидно, сверяя с базой Интерпола. Не углядев в моей скромной персоне явного криминала, он со вздохом сожаления отпасовал меня к двум другим деятелям помоложе, но с той же рентгеновской проницательностью в очах. В течение следующих пятнадцати минут мои данные по новой занесли в компьютер, а меня самого сфотографировали в фас и профиль. Судя по всему, хотели взять для полноты картины анализа и мазок на яйцеглист, но, слава Богу, постеснялись. Вышел я от них с прикрепленной к воротнику куртки пластиковой карточкой, украшенной моей фотографией с указанием фамилии, имени (без отчества) и надписью крупными буквами наискосок «Посетитель».

До входа в лифт меня уже провожала симпатичная девушка в строгом деловом костюме. Она передала меня небесной красоты блондинке в строгой белой блузке и о-о-очень короткой юбочке, открывающей взору невероятной красоты длиннющие ноги и место, из которого они произрастают. В ее компании я вознесся на семнадцатый этаж и проследовал по коридору до другого лифта, где был встречен еще более красивой шатенкой в такой же офисной униформе.

– Здравствуйте, Станислав Александрович, – первая из сопровождающих меня красавиц, нарушив корпоративный

обет молчания, ослепительно улыбнулась, сверкнув снежно-белыми зубками, слишком красивыми и ровными, чтобы быть настоящими. – Позвольте проводить вас в приемную Григория Борисовича.

Ну, как ей было отказать, конечно же, позволил.

Я успел побаловать себя чудным кофе с сигареткой и поглазеть на не менее, нежели две предыдущие, прекрасную фею на ресепшн, на сей раз – жгучую брюнетку, прежде чем по интеркому раздался начальственный глас:

– Проводите ко мне Кондратьева. – Именно так, по моему убеждению, отдавал команду великий комбинатор: «Запускайте Берлагу!».

– Слушаюсь, Григорий Борисович, – фея встала и, оказавшись почти на голову выше меня, подошла к двери без таблички, ведущей в кабинет великого и ужасного, и распахнула ее передо мной.

– Проходите, пожалуйста.

И я прошел.

Глава 10

Первым мне бросился в глаза Степаныч, сидящий по правую руку от хозяина кабинета в застегнутом на все пуговицы пиджаке, блеклом галстуке и выражением туповатой исполнительности на гладко выбритом лице. При виде меня он встал, прошел мне навстречу и строго на середине кабинета вежливо, но индифферентно пожал мою ладонь и проводил под светлые очи руководителя.

– Вот, Григорий Борисович, тот самый Станислав, – отчества мне, как видно, полагалось.

Не предлагая мне присесть, развалившийся в навороченном кресле молодой брUNET, отдаленно напоминающий известного олигарха в молодости, ныне ударно трудящегося швеей-мотористкой в солнечном Забайкалье, устремил на меня через модные офисные очки немигающий взор острых черных глазенок, точно по штатовской разработке, парализуя мои чувства и ломая волю.

Так и не дождавшись приглашения, я уселся на стул по левую руку от него и стал терпеливо ждать, когда же ему надоест корчить из себя гипнотизера.

Пока он сверлил во мне дыры своим неотрывным взглядом, я успел сложить в уме два и два. Итак, кабинет весь в дипломах и сертификатах, как булка в изюме. Кольцо на стене, Джордан, блин, хренов. Степаныч в москошвеевском

лапсердаке, портках не в тон и узконосых лаптях с Черкизона с выражением физии а ля прапор со склада вулканизированных контрацептивов. Это с его-то послужным списком – и английской королеве его представляли, когда был главой военно-дипломатической миссии на ее родине, и с Ельциным я у него дома фото видел, и ... В голове понемногу начало складываться некое батальное полотно: А). Начальник здешней безпеки – круглый дурак, причем, постоянно над собой работающий, чтобы стать еще круглее. Б). Хитрован-Степаных шефа очень хочет схарчить, постоянно к этому готов, но пока не может. В). Мою скромную персону хотят, кроме всего прочего, задействовать в каких-то своих, очень внутренних разборках, что мне на фиг не нужно. Эх, если бы не Женька Степанов!

– А ты – хам, Скоморох, – разверз, наконец, уста гипнотизер-заочник, начисто игнорируя правила приличия, типа поздороваться, представиться. – Эпоксидка в наручниках это уже перебор.

– Думаю, что в самый раз. И еще, я был бы очень благодарен, если вы впредь будете обращаться ко мне исключительно по имени, можно даже без отчества. Скомороха больше нет.

– Дерзок, – хохотнул великий и ужасный, – и горд. А что сразу ехать не захотел?

– Да, едва не забыл. Я абсолютно уверен, что вам будут очень комфортно обращаться ко мне на «вы».

– Вот как? – он с удовольствием рассмеялся, откинув голову назад. – Так, отчего же вы сразу не захотели ехать?

– А меня никто и не приглашал, приезжали друг за другом какие-то комические персонажи, всячески пытались меня обидеть, а пригласить забывали.

– Выходит, мои ребята – комические персонажи, а вы, значит, – высокий профессионал?

– Почему обязательно, высокий, много выше бывают. Просто профессионал.

– Если так, то удовлетворите мое любопытство. Зачем, вообще, были нужны притворщики?

Из всех сил изображая оторопь, я посмотрел на Степаныча. Тот напыжился и уставился в никуда оловянными глазами. Дела!

– Я не могу ответить на ваш вопрос.

– Потому, что давали подписку о неразглашении?

– Потому, что просто ничего об этом не знаю.

– Вы до сих пор верны присяге?

– Просто всегда стараюсь держать данное слово.

– Красиво, но неумно, я..., – и тут зазвонил лежащий перед ним на столе телефон, сопоставимый по стоимости с почти новой «Вольво» Степаныча калининградской сборки. – Слушаю. Да. Да. Выезжаю, – и, повернувшись к нам, – у меня партия в теннис. После обеда продолжим, – вскочил и рванул с низкого старта, даже забыв прихватить пижонскую спортивную сумку с выглядывающей из нее теннисной ра-

кеткой в футляре.

Мы со Степанычем тоже встали и с удовольствием вышли в дверь.

Перекуривая в холле у окна во всю стену, я с любопытством созерцал раскинувшийся внизу пейзаж: ровную под линейку стоянку ВИП-авто, летний садик в японском стиле, фонтан и крошечные фигурки снующих с муравьиной деловитостью служащих, миновавшую шлагбаум кавалькаду: два джипа с крялками в голове и хвосте колонны и что-то очень длинное представительского класса посередине. Пулей выскочив с территории, они влились в автомобильный поток, джипы спецсигналами разгоняли всех вокруг себя. Видимо, господин Вайсфельд очень боялся опоздать к началу теннисной партии.

Глава 11

Судя по всему, этот теннисист улетал играть на Уинблдон, потому что отсутствовал он довольно-таки долго. За это время я успел отобедать с адмиралом-расстригой в ВИП-зале здешнего кафе, подремать часок в кресле, потом угоститься кофе с пирожными и посмотреть новости по ящику.

Когда я собрался задремать по новой, раздался звонок. Терехин поднял трубку, выслушал и сказал: «Слушаюсь», после чего встал и поправил свой нелепый лапсердак.

– Пошли.

Великий спортсмен выглядел несколько огорченным и взъерошенным, как будто, не мячик по корту гонял, а давал признательные показания в налоговой инспекции.

– Перейдем к делу, – сообщил он, едва я успел войти в кабинет. – У нас ЧП, кто-то хочет убить президента.

– Господи, неужто, у кого-то поднялась рука на гаранта конституции? – всполошился я и озабоченно добавил, – надо немедленно сообщить в ФСБ.

– Перестаньте корчить из себя идиота, Кондратьев! – проревел Вайсфельд. – Покушались на президента «Русской стали».

– Слава тебе Господи, а то я уж подумал... – пробежавшись взглядом по кабинету в поисках иконы и не обнаружив таковой, я перекрестился на баскетбольное кольцо. – У вас,

у коммерсантов такое случается, я слышал. Может, он кому денег должен или обидел кого?

– Вы, вообще, соображаете, что говорите?

– Не очень, – честно признался я. – У меня другая жизнь и другие проблемы. И, вообще, я совершенно не понимаю, чем могу быть полезен. Это дело милиции или ФСБ.

– Стас, – вмешался Степаныч – Мы не можем туда обратиться. Положение обязывает нас решать такие вопросы самостоятельно.

– Почему, не понимаю.

– Вот именно, не понимаете, – опять взял слово хозяин кабинета. – Мы – гиперкомпания с серьезным авторитетом, современным менеджментом и мощной инфраструктурой, службой безопасности в том числе. Если мы сами не сможем решить эту проблему, всем станет ясно, что наш менеджмент неэффективен и мы уязвимы, а это сигнал для конкурентов.

– Вот уж не думал, что у вас есть конкуренты.

– Конкуренты есть у всех.

– Все равно, эта работа не по моему профилю.

– А вот тут, Стас, ты ошибаешься, – снова вступил в разговор Терехин. – Очень даже по твоему. Итак, восемь дней назад в загородной резиденции господина Крупина был небольшой прием по случаю, в общем, это неважно. Присутствовал достаточно узкий круг гостей, каждый из которых приехал со своей охраной. Тот человек умудрился как-то проникнуть на территорию и затерялся среди сотрудни-

ков. Охрана Иванова считала, что он работает у Петрова, а та, в свою очередь, что он охраняет Сидорова и так далее. Тебе это ни о чем не говорит?

Я пожал плечами.

– Подумаешь, бином Ньютона, задачка вполне по силам любому оперу.

– Тогда слушай дальше. В разгар вечеринки этот человек отделился от общей группы и попытался приблизиться к Петру Николаевичу. Когда личная охрана господина Крупина попробовала его остановить, он вывел из строя четверых лучших телохранителей, на минуточку, бывших сотрудников федеральной службы охраны. А потом исчез, как в воду канул.

– Так-таки и исчез?

– Веришь ли, именно так и было. Естественно, начались поиски, охрана гостей подключилась.

«А он среди них бегал и сам себя искал, только усы отклеил», – подумал я и спросил:

– Видеонаблюдение в особняке, конечно же, работало?

– А как же, – Степаныч достал из папки несколько фотографий и перепасовал мне через стол, – вот, полюбуйся.

Я сразу узнал человека, изображенного на них, хотя со времени нашей последней встречи прошло шестнадцать лет и над его внешностью явно поколдовали специалисты по пластической хирургии. Толя Фиников, оперативный псевдоним Грек, один из лучших в нашей службе, спокойный

выдержанный, очень надежный человек. Нам несколько раз довелось работать вместе, и я всегда доверял ему. Впрочем, это не помешало Толе всадить в меня две пули в июне 91-го в Швейцарии. Нам поручили тогда провести почти миллион долларов почти через всю Европу и передать их человеку, ожидающему нас в небольшом селении в паре сотен километров от Женевы. Почему именно нам? Время было такое, рушилась крупнейшая империя, «потекли» ее спецслужбы. Начались нападения на наших курьеров за рубежом, кое-кого убили. Вот в Центре и решили, что пара притворщиков сможет незаметно перетащить эти деньги из точки А в точку Б. И, и, потом, нам верили. Как показали дальнейшие события, одному из нас двоих – совершенно напрасно.

Почему меня не похоронили безымянным вдали от перестраивающегося отечества, и мне не стала пухом швейцарская земля? Выручило чувство, именуемое на профессиональном жаргоне «чуйкой». Это уже потом, анализируя произошедшее, я вспомнил, как трепетно смотрел Грек на стопки импортных банкнот с портретами мертвых президентов, когда мы загружали их в автомобильный тайник, как всю дорогу молчал, как старался не смотреть в глаза... А тогда, действуя на чистой интуиции, я поступил вопреки своей многолетней привычке и надел-таки бронежилет. Каждая собака в нашей службе знала, что Скоморох ни при каких обстоятельствах эту штуку на себя не нацепит, потому что, во-первых, никаким бронникам не доверяет, а, во-вторых, полагает, что

в случае любой сшибки важна не иллюзорная защищенность корпуса, а скорость движений и концентрация.

Наша машина съехала с оживленной автострადы на тихую проселочную дорогу, проложенную через окультуренный швейцарский лесок. Я рулил, а Грек дремал или делал вид, что дремлет на переднем сиденье. Последние несколько часов он вел себя спокойно, и я уже не раз пожалел о надетой кольчужке. До конечного пункта оставалось километров десять, когда все и случилось.

– Тормозни, – попросил меня напарник. Машина остановилась, он выбрался наружу и скрылся за деревьями. Через несколько минут вернулся, открыл дверь и с ходу дважды выстрелил мне в правый бок из ствола с глушителем. Тут же открыл дверь с моей стороны и вытолкнул меня на дорогу, не желая пачкать кровью салон.

Пока он обходил машину, у меня хватило времени немного очухаться, и поэтому он не успел сделать контрольный выстрел – я открыл огонь первым и даже умудрился попасть ему в правое плечо. Он выронил пистолет, после чего прыгнул в машину и был таков.

Когда я с тремя сломанными ребрами вернулся в Союз, меня сразу же назначили виновным, в крайнем случае – соучастником. На счастье, Терехин тогда еще капитан первого ранга, курировавший в то время нашу службу, хорошо меня знал и потому замолвил где надо словечко. Но, все равно, нервы мне тогда помотали неслабо. А через год с неболь-

шим ко мне домой завалились трое каких-то наглого вида молодых людей и стали настоятельно требовать «вернуть бабло», утверждая, что они «скупчили все мои долги» и поэтому я им «по жизни должен». Помнится, тогда я не сдержался и сделал ребятам больно, после чего отзвонился дежурному по управлению. По ходу расследования выяснилось, что мои гости – офицеры смежной службы, которым каким-то образом стало известно о том случае в Швейцарии. Вот, такие были времена...

– Узнал? – вернул меня в здесь и сейчас ехидный вопрос бывшего куратора.

– Конечно.

– И что скажете? – вставил свои пять копеек Вайсфельд. Я промолчал. А что я мог сказать?

– Теперь ты понял, Стас, зачем тебя пригласили. Притворщика может остановить только притворщик. Называй свои условия.

– Для начала выплатите мне обещанные деньги за то, что я приехал сюда и выслушал вас.

– Учтем при окончательном расчете.

– Э, нет. Уважаемый Григорий Борисович, вам доводилось слышать о втором законе Архимеда?

– Он открыл только один закон и, вообще, при чем тут Архимед?

– Этот закон гласит: роскошь офиса обратно пропорциональна щедрости его руководства. Итак, где мои деньги?

Вайсфельд открыл ящик стола, достал оттуда конверт и передал мне.

– Пересчитывать будете?

– Нет, – скромно ответил я, пряча гонорар в карман.

– А если мы вас обманем? – и что он постоянно ко мне вяжется, прилипчивый наш?

– Тогда я вас тоже обману при случае.

– Давай к делу, Стас.

– Вот именно, к делу, – вмешался вездесущий руководитель. – Ваша задача – обеспечить безопасность нашего президента и ликвидировать источник угрозы. Ваш гонорар, – он протянул мне лист бумаги с цифрой 250000. – Это в евро.

Я взял со стола ручку с корпоративным логотипом, исправил двойку на единицу и приписал к итоговой цифре нолик, – и это тоже в евро. Расходы должны оплачиваться отдельно.

– Вы в своем уме?

– Ну, не в вашем же.

– Стас, – попытался, выражаясь флотским языком, «вернуть в меридиан» охамевшего провинциала в моем лице, Степаныч.

– Да за полтора миллиона мы можем...

– Вы можете пригласить Мадонну, она споет и спляшет на поминках по господину Крупину и это будет по-настоящему круто.

– Между прочим, мы даем вам возможность отомстить ва-

шему другу.

– Он перестал быть таковым, когда выстрелил в меня.

– Тогда вашему врагу.

– Я давно простил всех своих врагов.

– А может, вы просто боитесь его?

– Конечно, боюсь, он же профессионал.

– Лучше вас?

– По крайней мере, не хуже. А что касается денег, то названная мной сумма вполне реальная плата за работу для меня и моей команды.

– О команде можете не беспокоиться. В ваше подчинение будет выделена группа настоящих профессионалов.

– Не тех ли клоунов, которые ездили ко мне в гости? Я не собираюсь с ними работать. Видите ли, я им не доверяю. Так что, подбор команды я оставляю за собой.

– А вы хоть кому-нибудь доверяете?

– Никому, – тут я несколько слукавил. На планете Земля найдется с десяток людей, к которым я отношусь с полным доверием. Просто, находящиеся в данном кабинете, в их число не входили, включая и Степаныча. Уж больно много наговорил он своему руководству о моем скромном прошлом...

– Все равно, названная вами сумма, слишком велика и я не могу согласиться...

– Если я правильно понял, у вас просто-напросто нет полномочий. Тогда о чем я с вами разговариваю?

– Стас, – укоризненно протянул Степаныч.

– И, – продолжил я свою мысль, – не пора ли господину, скучающему в комнате отдыха, подключиться к нашей беседе и сказать свое веское слово?

– Так, что вы там говорили о Мадонне? – поинтересовался покинувший комнату отдыха и присоединившийся к честной компании персонаж.

Глава 12

Господин Крупин Петр Николаевич собственной персоной. Среднего роста крепыш с простым среднерусским лицом и коротко стриженными седыми волосами. Один из наиболее успешных олигархов второй волны, лояльный к властям, не имеющий лишних политических амбиций, а потому донельзя успешный. Несколькими быстрыми шагами пересек кабинет, подошел ко мне и протянул руку.

– Мне понравилась ваша идея, господин Кондратьев, касательно сольника Мадонны на моих поминках, но, все-таки, хотелось бы помереть в таком возрасте, чтобы она выступала в инвалидной коляске.

Хорошая у него оказалась ладошка и рукопожатие на удивление крепкое.

– Ничего не имею против Мадонны в коляске, только до этого светлого момента нужно еще дожить.

– Надеюсь, вы мне в этом поможете. Все ваши условия принимаются, – при этих словах Вайсфельд вскинул голову, открыл, было, рот, но смолчал. – В любое удобное время я встречу с вами и мы оговорим детали. Деньги за работу можете получить хоть сейчас. Полностью.

На шефа службы безопасности было жалко смотреть. Его покрасневшее, затем побледневшее ухоженное личико выражало такую боль, мне даже подумалось, что оплату за мои

труды будут начислять из его собственных средств. Однако же, не сказал ни слова – с трудовой дисциплиной в фирме, несомненно, был полный порядок.

– У вас есть вопросы?

– Пока нет, – и тут я соврал, вопросов было немало, но ни один из них я не собирался озвучивать в этом кабинете и в этой компании.

– Тогда не смею вас больше задерживать. Не сомневаюсь, что в ближайшее время мы встретимся и все подробно обсудим. Связь со мной будете осуществлять через нашего уважаемого Андрея Степановича.

Мы с ним попрощались с хозяином кабинета (причем, он опять умудрился не подать мне руки), его боссом и бодрым шагом двинулись к выходу.

– Нет слов, Стас, как ты их! Пусть знают старую гвардию! – треснул меня по плечу от избытка чувств Степаныч. – А как ты догадался, что главный нас слушает?

– А вы догадались?

– Не с первых минут, но ...

– Аналогично.

– Ну, что, пойдем ко мне, я Пашку Толмачева позову, посидим, выпьем немного?

– Не сегодня, устал я что-то с дороги, подъеду завтра после обеда. Пропуск закажете?

– Твой пропуск действителен в течение месяца, не потеряй.

– Постараюсь. До завтра.

– Бывай.

По дороге к лифту я дважды попытался дозвониться до Женьки Степанова и оба раза безуспешно: по мобильнику абонент был недоступен, а на домашнем номере трубку взял автоответчик и не совсем трезвым голосом объяснил мне, что хозяева дома в данный момент не могут говорить, да и не хотят.

Сидящая в кресле в холле у ВИП-лифтов нечеловеческой красоты брюнетка при виде меня встала и опять оказалась намного выше меня.

– Добрый вечер, Станислав Александрович, меня зовут Марина. Григорий Борисович поручил мне сопровождать вас по городу и показать вам Москву, если пожелаете.

Ай-яй-яй, гадкий мальчик Гриша Вайсфельд решил, значит, отыгаться за унижение часовой давности, а заодно подколоть меня, деревню лапотную и провинцию дремучую. Я не стал рвать на себе нижнее белье и объяснять дамочке, что родился именно в столице и знаю ее ничуть не хуже, нежели она – содержание собственной сумочки, а, напротив, радостно улыбнулся и смущенно попросил:

– Не могли бы вы отвезти меня на Тверскую, там новый гей-клуб открылся, называется «Дары Моря». Может, слышали? А то у нас в провинции с этим...

Глаза у девушки стали намного больше, чем было преду-

смотрено природой.

– Вы – гей? – и вдруг расхохоталась, как будто, серебро рассыпала. – Ну и шутки у вас, Станислав Александрович, я, ведь, едва не поверила.

– Можно просто Стас.

– Так куда вас отвезти, Стас?

– До метро, Марина.

Машинка у девушки оказалась очень даже не дамская – джип «Лэнд Крузер» последней модели с наворотами, и управлялась она с ним уверенно. Глядя на эту роскошь, оставалось молча глотать слезы зависти – платили у «Сталева-ров» личным секретарям, судя по всему, неслабо. Хотя, кто знает, что за эти деньги приходилось делать...

– До какой станции вас подбросить, Стас?

– До ближайшей.

– В метро сориентируетесь?

– Постараюсь, а, потом, там схемы есть, – обожаю ненавязчивый маасковский снобизм. Видимо, жители столицы всерьез и искренне полагают, что наивным провинциалам просто не по силам разобраться в хитросплетениях маршрутов их подземки. Мне как-то, на полном серьезе, было дело, пытались объяснить, как добраться от станции «Комсомольская» до станции «Курская»...

Мы остановились у полукруглого здания, увенчанного буквой «М».

– Спасибо, Марина.

– Вы торопитесь?

– Спать хочется, сил нет.

– Жаль, а то я хотела пригласить вас на ужин.

– Ужин за мной.

– Ловлю вас на слове, – и она ласково сжала мою руку чуть повыше локтя.

– До встречи, Марина, очень приятно было познакомиться, – я галантно чмокнул девушку в щечку и со вздохом сожаления десантировался из джипа. Перед тем, как уехать, очаровательная девушка Марина наградила меня настоящей американской улыбкой на шестьдесят четыре зуба и на счастье, наверное, показала образуемую указательным и средним пальцем букровку «V». Где-то я недавно видел все это, белозубую улыбку и знак. Ладно, потом вспомню.

Забежав в тихий дворик возле метро, я снял куртку, достал из кармана небольшую продолговатую коробочку и нажал на кнопку на передней панели. Ого, даже не один «клоп», а целых два: один от красивой девушки Марины, естественно, не даром же она меня так эротично за конечности хватала, а второй – от проказника адмирала. От него такого подарка, признаюсь, не ожидал.

Перед входом в метро я случайно столкнулся с двумя кавказцами целеустремленно топающими в кабак неподалеку.

– Ти, што, слепой, да?

– Бога ради, извините, я не хотел...

– Ладна, иди, давай..., – спасибо, что не убили на месте.

Теперь Степанычу и Марине будет, что послушать: ребята, сразу видно, нацелились на неслабый кутеж с продолжением.

Таксофон в метро, к моей искренней радости, работал.

– У аппарата.

– Привет, Вить.

– Приветливей видали.

– Какие планы на вечер?

– Открыт для предложений.

– С десяти вечера жди меня на Малой Земле.

– Уговорил, речистый.

– Тачка та же?

– Да.

– Тогда, до связи.

– Угу.

С немногословным человеком Витей Авдеевым мы познакомились в девяносто девятом в плену у гордых нохчей. Я притворялся предпринимателем из красивого города Валенсия, а его подставил партнер по бизнесу. Все тогда пошло не совсем по плану, пришлось в ожидании спецназа немного пошуметь и Витек, бывший комитетский опер, мне, помнится, здорово помог. Насколько я знаю, по возвращении домой, он немного наказал бывшего компаньона и с тех пор работал только один. Бизнес у него, кстати, довольно-таки своеобразный, Витя решает вопросы, всякие и разные. В память

о совместном хулиганстве в горах Кавказа он всегда предоставлял мне скидки.

Глава 13

Петр Николаевич Крупин селиться «как все наши» на Рублевке категорически не желал. Он, вообще, всегда жил и поступал не «как все»: терпеть не мог шляться по казино и презентациям, не бегал по корту с ракеткой, а позже – не лез позориться на татами или на горнолыжные трассы, а попростонародному любил потягать двухпудовые гири или постучать по груше. Отдыхать от трудов праведных предпочитал не в Куршевеле со шлюхами, извините, фотомоделями, а на Волге, с женой, детьми и внуками. Выпить мог много, но делал это крайне редко. Если бы его примеру вдруг вздумали последовать все богачи отечественного разлива разных мастей и степени зажиточности, не сомневаюсь, редакторы гламурных журналов либо дружно повесились бы от безнадеги, либо пошли работать согласно полученному образованию, то есть, парикмахерами и сантехниками. На их счастье, такое на Руси по определению невозможно...

Он возвратился в свой особняк в Валентиновке около десяти вечера. В одиночестве поужинал в столовой (жену и всю родню, несмотря на их протесты, несколько дней назад перевезли в укромное место), лениво посмотрел новости по ящику и направился в спальню, собираясь наконец-то выспаться. Развязывая на ходу галстук, он, не глядя, привычным движением включил свет и замер в удивлении.

– Добрый вечер. Вы, кажется, собирались встретиться со мной в любое удобное для меня время, – честное слово, мужик начинал мне нравиться, не стал хвататься за сердце или вызывать охрану.

– Не ожидал, признаться. А меня уверяли, что сюда проникнуть невозможно.

– Нет таких крепостей, которые не смогли бы взять большевики. Проникнуть можно куда угодно, было бы желание и сноровка.

– Впечатляете.

– У нас не так уж и много времени, поэтому давайте по делу. Вы в курсе, что весь ваш особняк, в том числе, и спальня на прослушке?

– Вы уверены?

– Более чем, – я отъехал вместе с креслом от стола и продемонстрировал собеседнику стоящую на нем коробочку по размерам чуть больше сигаретной пачки. – Видите этот приборчик? Если вы заметили, на панели горит зеленая лампочка. Это означает, что сейчас прослушка нашего разговора не ведется. Сейчас я отключу ее и сразу же загорится красная лампочка. Итак, отключаю. Разговоров со мной не ведите, просто ходите по спальне туда-сюда, можете кашлянуть. Готовы? Выключаю, – через полминуты я снова включил приборчик. – Убедились? Вот и ладушки, теперь будете знать.

– Интересно, какая сука...

– Это мы выясним потом. Сейчас о главном. Я так пони-

маю, что вам действительно грозит опасность, но только совершенно с другой стороны.

– То есть?

– Тот человек на приеме совершенно не собирался вас убивать, он только притворялся. Дело в том, что он – специалист моей квалификации, не ниже, то есть, при желании он просто навелит бы вас вечером и прикончил прямо на дому, или придумал еще что-нибудь, не менее интересное.

– Тогда...

– Тогда, повоюем, младший сержант запаса Крупин? Считайте себя временно призванным на службу. На время операции командиром назначаю себя, я, все-таки, подполковник. Запаса, естественно. Кстати, мы с вами были в Афгане почти в одно и то же время...

– Я должен вам верить?

– Думайте.

– А моя служба безопасности?

– По моим самым скромным подсчетам, в ней завелось сразу несколько кротов. Ну, что решили?

– Согласен, – и мы скрепили наш договор крепким рукопожатием.

– Давно собираюсь спросить, откуда у вас мозоли на ладонях, гляди, что ли, вскапываете на досуге?

– Гирьки поднимаю, – смущенно улыбнулся олигарх.

– Гирьки это хорошо. Ладно, начнем работать.

И мы начали.

Через час я покинул гостеприимный дом, куда вломился без приглашения.

– Все запомнили?

– Товарищ подполковник, – голосом обиженного дембеля протянул Крупин, – вы уж меня совсем за идиота не держите.

– Товарищ младший сержант, – голосом коменданта стольного города Кислодрыщенска отчеканил я, – в нашей работе мелочей не бывает. – И уже нормальным тоном продолжил: – Ситуация, Петр Николаевич, достаточно серьезная, но шансы на успех у нас есть. Главное, постарайтесь не показать окружающим, что Вы знаете о прослушке. Звоните мне только по этому телефону, обязательно включив вот этот приборчик.

– Даже из собственного сортира?

Интересно, это у него всегда лексикончик такой, или службу вспомнил?

– Именно так. Во-первых, там тоже может быть что-то установлено, а во-вторых,...

– Что, во-вторых?

– Во-вторых... Тишина в студии! – я выключил глушилку и поднес аппарат к его пиджаку. Загорелась красная лампочка. – Вот видите, ваш гардероб тоже весь в «клопах». Придется некоторое время потерпеть эту гадость. Звоните мне только в экстренных случаях. Если надо, я сам выйду на связь. Однако загостился я что-то. После моего ухода ждете

десять минут, потом отключаете прибор и баиньки. Кстати, за что у вас орден Красной Звезды?

– Вел огонь из подбитого «духами» танка, уничтожил огневую точку противника.

– Этих мы тоже уничтожим. Все, мне пора.

– Может, на дорожку? – он кивнул в сторону бара.

– Сейчас не могу, вот когда все закончится...

– Литр приговорим, – потер руки младший сержант-олигарх танковой службы.

– Обязательно, – и я выскользнул из спальни.

Путь от Валентиновки до железнодорожной станции Щелково я проделал легкой физкультурной трусцой, уложившись в сорок минут. На заасфальтированном пяточке у билетных касс, где во времена оные посреди никогда не пересыхающей лужи находился знаменитый на всю округу пивняк, любовно прозванный аборигенами «Малой Землей», стоял грязно-зеленоватого цвета старый «Москвичек», помнивший еще перестройку с ускорением и идиотическую трезвость с, мать ее, гласностью. За рулем сидел типичный лох и пиялился в никуда. Я сел рядом с ним и лохов в машине стало двое.

– Еще раз, здравствуй.

– Физкультпривет.

– Я у тебя сегодня заночую?

– Бога ради.

– Пожрать и выпить найдется?

– Говно вопрос.

– Тогда трогай, извозчик, дома у тебя переговорим, а сейчас я подремлю немного, а то глаза слипаются.

– Баю-бай.

Часть вторая

Глава 14

День второй

Продрых я почти до полудня следующего дня, а все равно чувствовал себя усталым. Не было не малейшего желания вступать в драчку (а, придется), напротив вся моя сущность жаждала покоя и неги. Сейчас бы бросить все к чертовой матери и прогуляться, скажем, по Арбату, вернее, по тому, что от него осталось или по Тверской, а может, взять, да и смотаться в мой любимый пивняк «Шварцвальд» на Соколе или в «Главпивторг» на Лубянке. Совершенно не хотелось в очередной раз спасти мир, а осознание того, что никуда от этого не деться, совсем не добавляло жизненных сил и исторического оптимизма.

Кое-как и через силу размявшись, я отзавтракал тем, что Бог послал Вите и, позаимствовав из его кабинета лист бумаги, устроился на кухне с чашкой специально заваренного для поддержания хилых умственных сил кофе, рисуя различного рода геометрические фигуры. Почему-то именно это занятие всегда помогало мне сосредоточиться.

Итак, что же мы имеем с гуся? Совершенно ясно, что кто-то собирается затеять драку притворщиков в лучших традициях Голливуда (пойми и запомни, Джон Рембо, придурка может остановить только недоумок) с обоюдным, подозреваю, смертельным исходом и под возникший от этого шум и гам спокойно и без лишней суеты решить свои вопросы. Полагаю, что речь идет о судьбе «Русской стали».

Еще до отъезда в Москву я немного полазил по Интернету и выуженные оттуда сведения, признаться, заставили задуматься. Итак, компания давно и прочно занимает лидирующие позиции в России и достаточно агрессивно вторгается на международный рынок. Динамика развития достигла лучших европейских показателей, размеры оборотов исчисляются десятками миллиардов долларов. Но! Из всего состава соучредителей реально на ее благо трудится только Крупин П. Н., дорогим и неожиданным гостем которого я был накануне вечером. Ему принадлежит 45,5 % акций. Оставшиеся 54,5 % распределены между оставшимися четверьмя, занимающимися чем угодно, только не созидательным трудом на благо родной фирмы. Один очень болен, другой наслаждается средиземноморскими круизами в компании очаровательных юных особ, похожих на проституток, на яхте размерами с линкор «Миссури»; еще один персонаж с неполным средним образованием и четверьмя ходками к «хозяину» занимается исключительно делами своего фонда поддержания юных дарований в сфере изящных искусств и, наконец, чет-

вертый приобрел по случаю хоккейный клуб в Канаде и с головой погрузился в чарующий мир большого спорта. Два раза в год все они собираются на заседание совета учредителей, чтобы узнать на сколько же стали богаче и, окрыленные услышанным, возвращаются к прежней жизни. Крупина они почитают за бога или, по крайней мере, его наместника на Земле. Едва не забыл, друг друга все эти четверо, почему-то, на дух не переносят. То есть, вся эта «Сталь» при всех своих успехах и наворотах очень уязвима. Даже странно, что никто раньше не занялся ей вплотную. Ведь случись что с Петром Николаевичем, оставшиеся побегут, задрав штаны, искать варягов, чтобы правили ими дальше и подсыпали денежку. И...

И тут зазвонил телефон.

– Да.

– Стас, привет.

– Жень, ты где был вчера? Я тебе раз десять на все номера звонил.

– Как где, дома, освобождение праздновал.

– И как отпраздновал?

– Есть, что вспомнить, по-моему, он еще не до конца протрезвел.

– Отпустили под подписку?

– Самое интересное, что без всяких подписок и прочей ерунды. Все обвинения сняты, ни у кого никаких претензий.

– С чего бы это?

– Сам не пойму, четыре месяца пытались слопать, а теперь как бы раздумали.

– О как.

– Стас, может, в гости нагрянешь? Погудим немного, молодость вспомним.

– Может, чуть позже.

– Тогда я пошел.

– Куда?

– Водку пить и шашлык трескать, куда же еще?

– Тогда до связи.

– И тебе того же.

Значит, все обвинения сняты и никаких претензий нет. Браво, Степаныч. Теперь и мне деваться некуда. Я взял трубку и набрал номер.

– Концерн «Росмед», слушаю вас, – раздался ангельский голосок, где они только таких набирают, интересно?

– Соедините меня, пожалуйста, с приемной Германа Константиновича.

– Вам назначено?

– Да.

– Как вас представить? – очень хотелось ответить хамским: «Представьте меня очень неодетым и в сауне», но я сдержался.

– Пожалуйста, соедините меня с его личным секретарем,

я ей все подробно объясню.

– Минутку, – и заиграла чудная музыка, должно быть, офисный вариант «Пер Гюнта». Не успел я толком насладиться прекрасным, как меня уведомили, что я соединен с приемной господина Бацунина.

– Добрый день, – заискивающе проблеял я.

– Добрый, – согласился со мной хорошо поставленный строгий женский голос.

– Будьте добры, соедините меня с Германом Константиновичем.

– Он сейчас проводит совещание.

– Мне почему-то кажется, – нахально заявил я, – что он найдет для меня пару минут.

– Да? – усомнился строгий голос.

– Да, – уверил я свою собеседницу, вполне, впрочем, допуская, что никто меня не узнает и к сердцу не прижмет. Бывали, знаете ли, случаи.

– Представьтесь, пожалуйста.

– Я человек, с которым господин Бацунин катался в ноябре 90-го года по набережной Фрогонерстада в Осло, – «в пьяном виде», едва не добавил я.

– Именно так и доложить?

– Слово в слово, пожалуйста, – и наступила пауза, прерванная голосом, которого я не слышал семнадцать лет.

– Ты?

– Я.

- Рад тебя слышать. Как ты?
- Нормально. Ты-то как?
- Скриплю потихоньку. Давай увидимся?
- Как раз об этом я и хотел попросить.
- Через полтора часа на Полянке у «Молодой гвардии»

номер моей машины...

- До встречи.
- Как я тебя узнаю?
- Я буду держать в зубах чайную розу.
- Все шутишь, Верещагин, – хмыкнул мой собеседник и отключился.

Я грелся на солнышке у автостоянки перед «Молодой Гвардией» и вспоминал тот холодный ветреный вечер в Норвегии, едва не ставший для меня последним.

Глава 15

Норвегия, Осло, 9 ноября 1990 года, если не ошибаюсь. Вечер

Я спускался по тросику вниз по скале, все больше отдаляясь от виллы на ее вершине. Сверху меня омывал ласковый и холодный дождище, смывая грим с физиономии. Из-за налетевшего ветра я раскачивался как на качелях, и разок-другой здорово приложился о камни. В общем, я не получал ни малейшего удовольствия от всей этой физкультуры и еще мне здорово мешали две дырки в организме. Впрочем, по порядку.

В тот вечер я притворялся официантом. Как сейчас помню, мой прототип был шведом по имени Уле Олафсон. Сам он во всей этой дискотеке не участвовал, так как спал у себя дома без всякой перспективы пробудиться раньше, чем через двенадцать часов, начиная с того момента, когда он вздумал попить пивка в моей компании. Слава Богу, физия у него оказалась вполне простецкая, без особых примет, поэтому гримировался я недолго, правда, пришлось немного осветлить шевелюру и двигаться на полусогнутых, потому что этот потомок викингов умудрился оказаться ниже меня на добрых пять сантиметров.

Небольшой частный прием, на котором я подменял так некстати занемогшего работника тамошнего общепита, начался в девять вечера. Инструктаж перед его началом с обслуживающим персоналом проводил один милый человек с добрым лицом отцеубийцы. Нам строго-настрого запрещалось отлучаться куда-либо из холла, снимать с лацкана белого форменного кителя бейдж с фотографией, а самое главное – оставаться на вилле после половины одиннадцатого.

В этот вечер прием посетило девять человек, не считая охраны. Что интересно, среди них не было ни одной дамы. Гости степенно выпивали и закусывали, прогуливались по холлу и слушали что-то трогательно-национальное в исполнении струнного секстета. Все ждали еще одного, как я понял, важного чиновника тамошнего правительства. Лично меня его персона волновала поскольку – постольку, так как нужный мне человек, американец, уже был на месте. Вернее, его документы.

Полчаса я добросовестно притворялся халдеем, разнося напитки и легкие закуски, потом зашел за новой порцией вкусенького на кухню, вывернул китель наизнанку, засунул в правое ухо миниатюрный наушник на витом проводке, сделал решительное лицо и притворился охранником. Свою трансформацию я приурочил к загрузке сервировочного столика в грузовой лифт.

Уже в обличии охранника я поднялся на второй этаж, где и встретил катящего столик официанта. Когда он проследо-

вал мимо меня, я оглушил его ударом по голове, быстро связал и оставил в стенном шкафу среди швабр и ведер. После чего я вернулся в образ официанта и бодро покатил столик к нужной мне комнате.

Находящаяся внутри охрана, видать, здорово оголодала, потому что впустили меня сразу, не успел я на чудовищном английском произнести магическое заклинание, постучав в дверь: «Обслуживание». Их было двое, как я и ожидал – высоченный рыжий здоровяк, стоящий в центре комнаты с пистолетом в руке и его чернокожий напарник, развалившийся в кресле. Оружия у него не наблюдалось, зато к левой руке был прикован наручником металлический кейс.

Испуганно глядя на здоровяка, я дрожащим голосом произнес:

- Ваш ужин, джентльмены.
- Спрячь ствол, Род, а то парень сейчас обделается.
- Да, не трусь ты так, – возвращая пистолет в подмышечную кобуру, он хлопнул меня по плечу. И тут же умер, потому что, поднырнув под его руку, я сократил дистанцию и вонзил ему в сонную артерию пилочку для ногтей, не вызвавшую, кстати, никаких вопросов у охраны при обыске.

И тут же повернулся ко второму. Реакция у парня оказалась на зависть – его правая рука молниеносно нырнула за пазуху. Он уже почти достал ствол, но я успел бросить ему в голову тяжелый столовый нож. Получив рукояткой в лоб, он на некоторое время впал в ступор, я подскочил к нему и

ударом локтя проломил височную кость. Извините, ребята, если что не так. Работа такая.

Ключ от наручников, естественно, находился у их шефа, я даже не стал его искать. В брючном ремне у меня для этого случая была припасена отмычка.

Замочек, кстати, оказался достаточно заковыристым и провозился я с ним минут пять, не меньше. Обшарил карманы убиенных, обнаружил у верзилы отличный метательный нож, который и прихватил на всякий случай.

На безымянном пальце моей левой руки красовался аляповатый перстень, явно самоварного золота с большим поддельным рубином, лишний раз подтверждающий тот факт, что господин Олафсон – пошляк. Я с силой два раза нажал на камень и заработал маячок, оповещающий ждущих меня внизу, что пора готовить торжественную встречу. И в этот самый момент раздался вежливый стук в дверь.

– Кто это, черт подери, – на тexasский манер растягивая гласные, спросил я.

– Обслуживание, сэр, – что-то уж больно навязчивое здесь обслуживание.

– У нас все уже есть.

– Прошу прощения, вам доставили чужой ужин. Босс отправил меня исправить ошибку, – интересно, с кем это нас перепутали, если учесть тот факт, что на втором этаже больше никого нет? Придется выяснить.

– Черт с тобой, заходи, – а сам пристроился за дверью с чужим ножом в руке.

Дверь тихонько отворилась, и в нее буквально влетел тип в белом кителе официанта, держащий двумя руками пистолет с глушителем. И тут же всадил две пули в сидевшего в кресле чернокожего, после чего сместился влево, плавно разворачиваясь через правое плечо. Я метнул нож, целя в шею – попал чуть ниже, под ключицу. Он выронил ствол, а я рванулся к нему и одним резким движением сломал стрелку шеи.

Его физиономия показалась мне знакомой, я пригляделся – ба, какие люди. Это был скрипач из струнного секстета. Наверное, решил немного передохнуть от музыки и поработать киллером. Ситуация становилась все более интересной. Теперь, перед тем, как сделать ноги, я должен был обязательно разобраться с группой прикрытия этого Паганини, а то они мне бежать помешают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.